

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Дарья Чернышова
БЛИЗНЕЦЫ
Том 1

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*

Иллюстрация на обложке *Марии Василенко*

Чернышова, Дарья Романовна.

Ч-49 Близнецы. Том 1: фантастический роман / Дарья Чернышова. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 528 с. — (Хроники мрака. Цикл «Ветви»).

ISBN 978-5-17-162879-6

Война между Берстонью и Хаггедой закончилась много лет назад — настало время мира. С этим согласны не все. Внутри обоих государств назревают противоречия, и вмешательство извне вскрывает этот нарыв раскаленной иглой. Мастер Алеш, придворный лекарь, давно погружен в пучину господских интриг — в их глубине таится его семейное счастье. Но когда волна убийств и заговоров разрушает все, что было так дорого, очищающий огонь должен стать орудием мести. Чтобы найти виновных, придется тревожить старые раны и получать новые. Оправится ли мир? Смогут ли встать на ноги его герои? Первый ход уже сделан, но финал партии не предсказать никому.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162879-6

© Дарья Чернышова, 2024
© Мария Василенко, иллюстрация на обложке, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Посвящается И. Н. Б.
Любящей и любимой*

ПРОЛОГ

ОНИ НЕ ДОВОДИЛИ НИКОГО ДО СЛЕЗ

Два самых важных события в жизни человека — свадьба и похороны. В обоих случаях принято приглашать гостей, чтобы как можно больше людей засвидетельствовали: кое-каким имуществом распоряжается теперь кто-то другой.

Збинек Гоздава на своем веку повидал гораздо меньше свадеб, чем похорон, — такова уж наемничья доля. Не найдется во всей Берстони края, где не вспухла земля хоть одним знакомым курганом. Вот и сегодня во сне Збинек всю ночь напролет махал киркой, пытаясь целых сто человек — отборных, проверенных, своих — закопать на заснеженном пепелище.

На самом-то деле их хоронили победители — и он считал, что это вполне справедливо. Уже два года прошло, давно поросли травой могильные холмы — значит, и хрен с ними, с мертвыми. Пускай, конечно, снятся, если им так уж надо,

но главное — Збинек остался в живых и намеревался нынче как следует эту радость прочувствовать.

Потянутся, например, для начала. Он треснул локтем по высоченному резному изголовью, а потом на всю спальню раздался хруст костей. Что поделать — не юноша он уже, гетман Гоздава. Ну и что с того? Все при нем: и новый отряд, и кровать эта в господской спальне славного замка Сааргет, и красивая женщина рядом...

— Хватит хряхтеть, — сказала она. — Вставай.

Его красивая женщина оказалась уже не рядом, а у большого письменного стола. Просматривая почту, она шнуrowала платье, которое и платьем-то едва ли стоило звать: вместо юбок — длинные полы куртки поверх мужских штанов, но все с дорожкой вышивкой и нужными изгибами на бедрах и талии. Сплошь причудливые наряды шили для своей госпожи сааргетские батрачки, потому что она хотела носить именно такие. Ортрун Фретка всегда точно знала, чего хочет, и этим отличалась от большинства женщин.

— Да чтоб собаки загрызли этих слюнявых Верле! — громко выразила она теперешнее пожелание, сдув со стола одно из распечатанных писем. — Я позвала их на свадьбу, а они, видите ли, заболели.

Збинек усмехнулся. Ну да, и письмо пришло только сейчас — ужасная нерасторопность. Свадьба уже сегодня: пышная, шумная, даже драка будет, наверное, и выпивка польется рекой — как и положено в богатом землевладении, издавна знаменитом своими виноградниками. Здесь могло бы хватить имущества на десяток господских семей поскромнее, вроде слюнявых Верле, и измельчавших Корсахов, и даже проклятущих Тильбе, из которых вышел нынешний берстонский владыка. Что ж, теперь все они в длинном списке недругов Сааргета, значит, однажды дело до них дойдет.

Сегодня — свадьба. Такое хорошее, важное событие. Гоздава положил руки под голову и сказал:

— Ортрун Фретка, выходи за меня.

Завязывая на груди шнурки, она покосилась на него и вздохнула.

— Нет. Оставь меня в покое, Збинек. Не видишь, я занята.

Он тоже вздохнул. Сегодня в Сааргете не их, чужая свадьба. Однако гетман Гоздава сделал себе имя на том, что просто так не сдавался.

— Давай позовем Венжегу, — предложил он, — чтоб прямо сейчас нас поженил.

— Он твой старший хорунжий, а не старший родственник, — возразила Ортрун, внимательная к традициям, когда те оказывались ей полезны.

Збинек поморщился.

— Знаешь, где я видал своих родственников?

— Знаю. Я видала там Отто Тильбе вместе с его поздравлениями.

Ортрун с первого раза попала смятым листом бумаги в выглядывающий из-под кровати ночной горшок. Она все время ворчала, что ей не хватает меткости, когда, отложив любимую булаву, брала в руки лук или арбалет, но стреляла не хуже брата, которого владыка посмел поздравить с женитьбой.

Збинек почесал плечом щеку и уцепился взглядом за вмятину на стене — еще одно свидетельство меткости молодой госпожи.

— Ну что, зовем Венжегу?

Она, глотнув воды, посмотрела на него поверх кубка.

— Штаны надень сначала.

— И тогда?

— И тогда мы пойдем женить Освальда.

Ортрун всегда знала, чего хочет и чего не хочет. Она хотела исполнить мечту покойной матери и добиться того, чтобы владыкой Берстони избрали мужчину из рода Фреток. Замуж она не хотела. Когда на стене их спальни появилась вмятина, Збинек получил первый отказ.

Гоздава старше Ортрун на целое поколение, и его поколение успело наворотить дел, за которые Берстонь до сих пор расплачивалась — чего стоила одна по-глупому развязанная и позорно проигранная война. В то далекое время Збинек и побывал в Сааргете впервые — как молодой наемник, уже закаленный в боях с колдунами Хаггеды и жаждущий больше легкой добычи, чем мог дать строптивый восток. Покойная мать Ортрун, госпожа Мергардис, тогда была еще вполне себе беспокоящая и искала способ избавиться от главного беспокойства — незаконнорожденного брата, смертельно обиженного на нее за всякое.

Тогда Збинек взял заказ на сааргетского ублюдка — так здесь и поныне звали подлого старину Бруно, — но потом, встретившись с ним лично, взял деньги, которые тот предложил вместе с чьей-то отрубленной башкой. Дельце оказалось выгодное со всех сторон, обманутая госпожа Мергардис осталась довольна, а много лет спустя ублюдок отомстил-таки сестре за обиды. Это уже не касалось Збинека — ему было, в общем, плевать, — и он легко согласился помочь Бруно снова, когда тот пришел нанять его людей два года назад.

Все кончилось кровавой кашей из снега и пепла Старой Ольхи — вотчины прежде славного рода, чья последняя дочь уродилась колдуньей похлеще хаггедских. Збинек пришел туда с Бруно, чтобы сопроводить молодого Отто Тильбе на выборы в Столицу — или, если молодой Отто Тильбе окажется несговорчивым, окончательно и бесповоротно снять его кандидатуру. Молодой Отто Тильбе оказался женатым на гребаной колдунье и жутко несговорчивым. Наверное,

между этими двумя вещами есть некоторая связь. Ортрун, по крайней мере, считает, что между колдунами и всяким дерьмом непременно должна быть связь.

Вот Старая Ольха и стала не полем битвы, а настоящей скотобойней — только со скотом на месте мясника. В этом их проклятая колдовская сила: призывать мохнатых и пернатых тварей на свою защиту, чтобы те рвали на части честного бойца. Сотня честных бойцов Збинека полегла той зимой на старом пепелище. Люди Отто Тильбе — победители — их похоронили. Несговорчивый молодой господин отправился в Столицу и стал владыкой, чем жутко раздражал Ортрун последние два года, а Гоздава напрямик с поля боя привез ей готовенького Бруно, виновника ее несчастий и его поражения, которое мог предвидеть, потому что все знал о колдунье, но, подлец эдакий, не предупредил.

Казнив родного дядьку во дворе сааргетского замка, которым этот ублюдок так страстно желал владеть, Ортрун еще не догадывалась, что именно Збинек однажды уже получал награду за его хитрую голову. Но через несколько месяцев — прекрасных месяцев, почти без перерыва проведенных в постели, — кто-то все же донес.

Это была их единственная крупная ссора. Гоздава рот не успел открыть для извинений — он всегда очень легко приносил извинения, чтобы иметь возможность повторить то, за что извинялся, — как Ортрун выплонула ему в лицо: «Продажный говнюк!» — увесистый комплимент для наемника. Потом она прокричала: «Ты обманул мою маму!» — и он подумал: «Да, и еще много разных женщин, и все они ничуть на тебя не похожи». Прежде чем Гоздава хотя бы закончил мысль, Ортрун опять выпалила: «Если бы ты убил тогда этого полукровка, она была бы сейчас жива!»

Или уже загнулась бы от каких-нибудь колик, как случилось с матерью Збинека и целой кучей других хрупкотелых

аристократок. Госпожа Ортрун хрупкотелостью не страдала, поэтому он сказал: «Прости меня. — Сказал совершенно искренне. — И, будь добра, поставь горшок на место». Глиняные осколки тут же зазвенели у него над головой.

В стене осталась вот эта вмятина. Збинек, просовывая ноги в ботинки, уперся в нее рукой и спросил:

— Ты и Рагну уже покормила?

— Естественно, — процедила Ортрун. — Зато я сама голодна. Там в зале накрывают на стол, а нам еще нужно будет отстоять церемонию. Шевелись. Невесты одеваются быстрее тебя.

— Много ты невест видела?

— Збинек!

Будь на его месте Освальд, она добавила бы: «Прибью!» Впрочем, при всей сложности их отношений, в своего брата Ортрун никогда не бросала глиняных горшков.

В той ссоре из-за ублюдка она бы не ограничилась всего одним, но Збинек, стряхнув с плеча рыжую пыль, воскликнул: «Да что с тобой сегодня?!» — и Ортрун вдруг, качнувшись, села на кровать. Через мгновение неловкой тишины послышался всхлип. Збинек никогда прежде не видел Ортрун плачущей. Он обнял ее колени и опять спросил: «Что с тобой?»

«Я, кажется, беременна», — сказала она, утерев слезы и ошарашенно глядя, как они впитываются в светлый манжет рукава.

Все это случилось прошлой весной, но Збинек до сих пор помнил ощущение: что-то среднее между ударом в челюсть и опьянением, когда за эль заплачено вперед.

В Сааргете не пили эля — только красное или сильванер из лучшего винограда. Господин Освальд Фретка отлично в нем разбирался, имея огромный опыт дегустации, — прощ говоря, юнец не просыхал. Они втроем со Збинином и пе-

репутанном лекарем вылакали полбочки по случаю беременности молодой госпожи, прежде чем дошли до нужной степени откровенности. Тогда медикус, икая и дергаясь, рассказал: «Она должна была выйти замуж за какого-то, — здесь он икнул, — Корсаха. Все подготовили: приданое, договор. Госпожа Мергардис поехала уже устраивать дело и пропала. Ну, знаете, там ублюдок... Вот. А дело было дело... деле... деликатное. Понимаете, госпожа Ортрун не вполне здорова как женщина, а семью жениха заверили — я тоже заверял, — что все у нее хорошо. И вот Корсахи...»

«Корсахи, — перебил лекаря Освальд, плеснув всем еще вина, — обиделись справедливо и теперь дружат против нас с владыкой. А я всегда говорил, что брак — плохая затея».

Имел он в виду брак в принципе или сорвавшийся брак сестры, Збинек тогда особенно не волновало. Он спросил: «Что с ее здоровьем?» — и лекарь уже не смог ответить, а Освальд сказал: «У нее кровь не шла откуда нужно, зато слезы были как вино».

Теперь со слезами у Ортрун все стало в порядке и ничто не помешало ей родить здоровую дочь.

— Берем Рагну с собой на праздник? — спросил Збинек, выставив локоть.

— Чтобы она срыгнула на подол невесте? — усмехнулась Ортрун, взяв Гоздаву под руку, и вдруг задумчиво изогнула бровь. — А почему бы и нет.

Одна из поджидавших за дверью спальни батрачек тут же помчалась в детскую. Распоряжения госпожи здесь подхватывались с полуслова. Приказы гетмана, к счастью, дослушивали до конца.

Они с Ортрун в сопровождении еще пары служанок зашагали по коридору, шурша друг об друга парчой и льном. Збинек мечтал одеваться дорого и безвкусно, но по старой привычке ходил во всем темном и простом. Некоторым

мечтам суждено остаться мечтами, как говаривал Мартин Венжега. Они с Гоздавой, младшие сыновья господ, очень много знали о несбывшихся мечтах.

Еще одна такая мечта, богатый жениховский наряд, воссияла вдруг перед Збинекком золотистой вышивкой. Молодой господин Фретка вывалился из-за угла, исполнив перед сестрой танцевальное движение, отбросил со лба иссиня-черную прядь волос и спросил, обведя жестом свой дублет:

— Испорченное утро стоило того?

Ортрун недовольно поджала тонкие губы. Тонкие губы Освальда расплылись в ухмылке.

Эти двое родились близнецами и за последние годы умудрились свести на нет любые сходства, помимо внешности. Будь Гоздава их командиром, он бы устроил так, чтоб они наконец подрались, все между собою выяснили и потом нажрались до зеленых соплей. Но он не был их командиром, так что приходилось терпеть.

— А пусть Збинец меня женит, — высказал вдруг Освальд внезапную мысль — у юнца в голове сидело слишком много мыслей, и в этом была, помимо пьянства, большая его беда. — Женишь меня, Збинец?

— Тебе очень надо? — усмехнулся Гоздава.

— А то ты не знаешь, как оно мне надо.

Когда Освальд говорил, что брак — плохая затея, он, как оказалось, имел в виду брак в принципе. Вот и зря.

— Ну-ка иди сюда, — цыкнула Ортрун и за расшитый рукав оттащила брата к окну.

Все остановились смиренно подождать, пока госпожа закончит отчитывать господина.

Гоздава взглянул в окно и сквозь собственные крупные очертания рассмотрел во дворе, на крыше казармы, крадущегося к беспечному голубю боевого замкового кота. Будь

Збинек колдуном, он бы уже сцапал добычу. Подлый старина Бруно был колдуном, и место его смерти застроили казармами, лишь бы не вспоминать. В самом деле, лучше не вспоминать о казнях перед едой. Тем более — о сожжениях.

— Моего оленя подадут? — спросил Гоздава, обернувшись через плечо.

— В орехах и меду, — ответила одна из служанок, присев в учтивом поклоне.

— Ну, вот и хорошо. Сходите пока за Рагной.

У батрачек тихонько заскрипело между ушей.

— Госпожа ведь уже послала...

— Бегом сходите. Все.

Девушки снова спружинили и скрылись за углом. Вовремя. Ортрун уже выставила указательный палец, чтобы ткнуть брата в вышивку на груди.

— И никаких фокусов, Освальд!

— Как прикажешь, сестрица, — промурлыкал тот.

Они все-таки не сцепились. Ну, вот и хорошо.

Первая из посланных за Рагной батрачек ожидаемо первой и прибежала назад, изо всех сил прижимая к себе льняной сверток. Потерев пальцем торчащий оттуда блестящий нос, Збинек увидел краем глаза, что кот на казарменной крыше остался без еды.

Ортрун выдохнула, раздув ноздри, махнула на брата рукой, опять взяла Гоздаву под локоть, мол, идем отсюда, и потом, на ходу оглядевшись по сторонам, спросила:

— А где Модвин?

— Уже там! — выкрикнул Освальд ей в спину. — Я велю ему спрятаться под скатертью!

Госпожа Фретка обернулась, уколов брата ледяным взглядом, но потом растаяла и даже улыбнулась, посмотрев на дочь. Впрочем, голос Ортрун прозвучал, как обычно, жестко:

— Сказано ведь было ждать меня. Освальд всегда все портит. Невесту его не спасти, но если он так и продолжит портить мне Модвина, она очень быстро останется вдовой.

Это все не всерьез, конечно. Ортрун просто привыкла так выражать беспокойство. О младшем брате — а Модвин сильно младше, совсем еще малой — она беспокоилась искренне и выражала это при каждом удобном случае. В общем, Гоздава мальчишке сочувствовал. Модвина, разумеется, никто не окунал головой в сточную канаву, как поступали со Збинеком старшие братья, но маленький Фретка глядел так тоскливо из-под черных бровей, будто канавка ползала за ним на карачках.

Уже на подходе к большому залу, из-за полуприкрытых дверей которого доносились звуки подергивания струн, Ортрун и Збинец споткнулись о ползающего на карачках замкового управляющего.

— Что такое, Дивиш? — строго спросила она.

— Ты чего, старик? — поинтересовался он.

Дивишу уже пошел пятый десяток, и Збинец отчего-то чувствовал себя хорошо, когда так его называл. Хотя вообще с управляющим доводилось общаться редко: в каждом господском поместье обязательно есть управляющий, но Сааргет выделился и здесь, потому что замком, как и самим управляющим, управляла Дивишева жена.

— Гетман, госпожа! — расшаркался вскочивший на ноги старик и посетовал: — Нигде не могу найти Ютту.

— Значит, она занята, — с уверенностью в голосе предположила Ортрун, но Збинец почувствовал, как она напряглась. — Все готово?

— Ждем вас и начинаем, — доложил Дивиш.

— Прелестно.

— А тут ты чего искал? — спросил Гоздава. — Жену?

Управляющий моргнул и спохватился.

— А, нет, — пробормотал он, показав на раскрытой ладони маленький сапфир в золоте. — Госпожа Сикфара потеряла серьгу.

Збинек приценился: красиво, но не стоит даже его нынешнего коня. В сааргетских конюшнях очень славные кони, Освальд в них разбирается не хуже, чем в выпивке. Ортрун взяла украшение, послала управляющего дальше искать Ютту и призадумалась.

— Есть про это какая-нибудь примета?

— Про что?

— Про невесту, которая теряет серьгу в день свадьбы.

— Мне-то откуда знать?

— Ну, ты же видел больше невест, чем я.

— Какое мне до них дело? То ж были не мои невесты, — сказал Гоздава и хитро улыбнулся.

Ортрун, тоже чуть скривив губы, покачала головой и жестом велела дверям открыться.

Давным-давно Сааргет принадлежал Хаггеде — то есть сама земля принадлежала, не замок, потому что хаггедцы вообще не строят замков, — но даже там, на богатейшем востоке, Збинек не видал разом столько серебра. Золота, правда, видал и побольше, но серебро в Берстони тоже уважали, и Фретки могли позволить себе заставить по два ряда широченных столов начищенными до металлического блеска приборами. Понятно, чего ублюдок Бруно — наполовину хаггедец, а значит, смыслящий в деньгах человек — так яростно тянулся к наследию покойного отца.

Збинек вот тоже тянулся к своему наследству, но слегка по другим причинам: перед самым побегом из дома выбив глаз среднему брату, он мечтал однажды вернуться во главе большого отряда и ослепить старшего. Ортрун всецело подерживала эту идею, ведь и для ее целей требовалось собрать

много сил. Сегодняшняя свадьба, если так подумать, станет отправной точкой длинного пути к власти.

Сказал бы кто-нибудь Збинеку лет двадцать назад, что он однажды увязнет по уши в политике.

— Друг мой! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Стефан Шилга, отец невесты. — Рад тебя видеть! Поможешь кое с чем?

Збинек не считал Стефана Шилгу другом, не был рад его видеть и не собирался ему ни с чем помогать, но Ортрун шепнула:

— Займись им. Мне нужно тут быстренько всех обласкать и вытащить Модвина из-под стола.

Примерно так и выглядела берстонская политика.

Потерянная серьга невесты очутилась у Гоздавы в руке, когда Ортрун отпустила его локоть и пошла приветствовать гостей. Слуги уже отправились звать молодых — свадебный обряд вот-вот должен начаться, — и, видимо, поэтому ладонь Стефана Шилги оказалась липкой и холодной.

— Что у тебя стряслось? — спросил Збинек и вытер пальцы о штаны.

— Кроме того, что Сикфара выходит замуж и оставляет меня наедине с женой? — вымученно усмехнулся Стефан и понизил голос до шепота: — Я забыл слова ее клятвы. Напрочь. Чем клянется женщина?

Збинек нашел взглядом Ортрун, которая что-то внушала взлохмаченному младшему брату, намертво вцепившемуся в алую скатерть, и тяжело вздохнул.

— Кровью, слезами и потом, — сказал Гоздава и задумчиво почесал щеку. — Нет. Сначала пот, потом слезы.

— А мужчина — именем, землей и?..

— Мечом.

— Мечом! — с улыбкой подхватил господин Шилга. — Да, разумеется. Благодарю. Я слышал, Освальд хорошо владеет оружием.